

Явился Ефим Соловьев, крупней чем в жизни, но такой же порывистый и решительный. Указательным пальцем ткнул в грудь и хрипло начал стучать по голове суровыми словами:

— Не годишься ты быть партизаном. С десятком людей не справишься. Никуда не годится. А еще сибиряк ко-

— Ага, дядя...  
— Воды вскипяти, да покруче... Больше... Ножиком отщипи и подай сюда... Нож...  
— Ага, дядя...  
— Никому ни гу-гу-у... А то...

Крутов провел ладонью по щеке.

— Ага...  
— Ну, ну! — пробормотал Крутов, а сам старался не думать на что он решился. Боялся не выдержать, но ин-

руками длинными, серыми от огня. Другой был ниже ростом, моложе, белокур, с девичьим доверчивым лицом, с жадным любопытством в крохотных, безбровых глазах. Оба были готовы говорить. Но их сдерживал хмарный взгляд третьего, низкорослого и краксистого рабочего с плоским, широким лицом.  
— Хорошо, что жив, — сказал высокий черный мужчина. — Хорошо.

— Понятно. Были б кости... — Неопределенно ответил Крутов, чувствуя боль в своих обрубках.

— Что верно, то верно, — это опять черный.

— А много гостей? — спросил третий с плоским лицом. Сергей удивил в голосе, что тот еще не совсем доверяет ему, и на ответный пароль мягко сказал:

— Много, что камыша на болоте.

— Выкладывай! — потребовал тот.

Тряхнули нас у Горной. Подкрепление, видать, подбросили. Отгада Соловьева не существует, Ефим погиб. Погиб хорошо! Вам самим принимать решение. За Горскими где-то отряд Сизикова или в Крапивинскую тайгу по-давайтесь.

— Через два дня мы решили выступать, — заговорил более доверчиво суровый рабочий. — Нас ожидают в Ур-Бедарях. Оттуда на Ново-Пестери и в Горкино... Везде наши люди! Побывали — ждуть...

— А крепко же ты, — восхищенно произнес чернорободый. — Я бы на такое не смог...

— Не сумел. Я и сам не знаю, как это...

— Памятник тебе надо.

— Всем нам памятник. — Крутову не нравилось, что разговор перешел на него, и он сказал:

— Жаль, я тут без дела.

— Ничего. Ты у нас для связи. Явку сюда перенесем. Мария, не перечнишь?

— Что ты, Григорий? — всполошилась хозяйка. Ее глаза вспыхнули тревогой: а что не доверит...

— Мужа у нее, расстреляли, — пояснил молодой.

— Ида-а... — Григорий слепил брови воедино, — связь нам нужна...

— Когда выступаете?

— Через два дня, — подтвердил решение рабочий.

Крутов повернулся и увидел в углу большие глаза мальчика. Он слушал разговор взрослых затаив дыхание. Крутов улыбнулся навстречу. Он увидел себя, когда подслушивал разговор в доме лутейца в Колчугино, и подумал: наш будет. Смена...

Крутов устал от разговора и напряжения. Голова закружилась. Он откинулся на подушку и сразу же уснул. Когда вновь проснулся, рабочих не было в избе. Крутов взглянул сверху. За окном поднималось пурпурное зарево, похожее на молодое только что сшитое знамя. И еще Сергей увидел строгий и неподвижный силуэт женщины. Мария сидела подперев ладонью лицо. Он не мог понять: больше смотрел на рассвет или на женщину. Ему хотелось бодро сбросить тело с печи и пройтись по комнате, размять затекшие ноги, остановиться напротив хрящавой избы и заглянуть в глаза глубоко-глубоко.

Гурьевск — Велово.

Петр Шмаков

## СУРОВЫЙ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

ревной. Погибнут они — ты в ответе. Запомни это раз и навсегда!

Проснулся Сергей от жуткого холода. Будто телешом он спал на речном льду. Не чувствовался ноги, сводило руки. Он стал выбираться из своего убежища. Воздух зализонился от тусклой луны, и был стеклянно чист. Метели как не бывало. Но крепкий сухой мороз цепко сковал снег, деревья. Крутов поднялся, но тут же опустился на колени. Стиснув зубы до боли в челюстях, Сергей снова заставил себя встать и сделал несколько шагов при помощи суковатой палки. Шаг за шагом одолевал он таинное пространство.

Кажется, был день и снова ночь, и снова день... А может меньше, а может больше. Все перемешалось в голове Сергея Крутова. Но он двигался по заданию. Как только приходил в себя, он твердо говорил:

— Вон у той сосны я должен быть.

И был. Ноги уже были чужие. Он их тащил как лишний груз. Пытался растереть, но ничего этого не дало. Не хватало сил.

Было светло. Крутов очнулся в ознобе. Рядом темный ствол. Обхватил его, приподнялся. Впереди сквозил редкие деревья дымилась заводские трубы. Радость опять свалила в снег его большое и тяжелое тело. Потом видел над собой сосны, светлое, дымящееся небо. Хотелось всегда видеть эту жидкую голубизну, вдыхать острый сосновый запах, двигаться. Встал на колени Крутов и пополз на четвереньках, не останавливаясь, напрягая все силы, чтобы не впасть в забытие и не остановиться.

«Я человек! Я человек! Я победитель!».

Крутову думалось, что он произносит эти слова на всю тайгу, а на самом деле это стучало в висках. Тяжко и высоко ходило в груди сердце.

Дотопал до первой бревенчатой избы с низкими без наличников окнами — почему-то хорошо помнилось: окна низкие и без наличников, — приподнялся, рухнул телом на дверь и упал в серую нутню. Потом малец лет двенадцати помог ему взобраться на бокастую русскую печь, дрожа от страха, снимал с него тяжелые димы.

Отдохнув малость и прийдя в себя, Крутов понял, что ноги потеряны. Не отнять их — смерть. Гангрена — штука серьезная.

— Слушай меня, малец, и помогай.

че — прощайся с жизнью. Главное — выдержать. Хватит ли сил? Должно хватить! Дать себе задание, а там и без памяти... Дать задание... Нитки надо, иголку... Еще чего? Потому поздно будет... Выдержать надо. Задание даю себе. А его выполнить... Выполнить!

Когда мальчик вернулся с матерью, все было сделано. Женщина раздвинула занавеску и в страхе отпрянула от печи. Захлебываясь негромким диким криком, она осела на пол, ноги не держали, и долго не сводила неприятного взгляда с занавески. Там лежал в беспмятстве чужой мужчина с обрубками ног. Кровь в тазу, на печи. В крови он сам весь. И лицо бледное, омертвевшее. Бледность проступала из-под черной длинной щетины.

Отучалась от страха, спохватилась: умрет от потери крови. Да что это я — глупая! Человек же погибнет... Засновала по комнате, кинулась к печи, и уже руки ее не знали покоя. Она не могла надвинуться силе, какая крылась в этом человеке. Она не могла и вообразить, что такое возможно — себе ноги...

Медленно оживал Сергей Крутов. Первое, что он услышал, был женский голос. Он тревожно трепетал, как пламя догоревшего на ветру костра.

— Будет ли жить, сердешный? Столько перенес. Витке он накалывал никому не говорить. А то бы в больницу его...

— Должен был. Организм, что кузнца... А в больницу... Как бы не забрали... На это скорые...

Потом Сергей смог дотянуться рукой до занавески, повернуть голову. Сверху увидел в окне кусочек улички. Сердце потеплело сразу: жив! Он может смотреть на эту милую уличку с темными пятнами лошадиного кала на дороге. Шевельнул ногами, и резкая боль пронзила тело до самого мозга. Застонал. Мелькнуло женское испуганное лицо и... темнота.

Но жизнь брала свое. Он смог уже вскоре шевелить руками, пить из ложки бульон.

Сознание уже не покидало. Сергей привык к доброму лицу хозяйки, к ее большим всегда испуганным глазам. Подбородок у нее был короткий, лоб высокий. Несколько глубоких морщин на нем старили женщину.

Крутов поверил в верность хозяйки и доверил ей свое дело.

Через два дня после этого к ним поступали в полночь. Пришли рабочие с завода. Их было трое. Один цыганского типа, чернорободый, с глазами большими и быстрыми, с

// Ленинский  
шахтёр,  
1972,  
19 августа,  
с. 4.